

Ли Пинъань очнулся от беспамятства и обнаружил, что лежит на незнакомой кровати.

Не успел он толком ни о чем подумать, как в нижней части тела отозвалась острая, нестерпимая боль. Ли Пинъань мгновенно пришел в себя, и воспоминания о том, где он находится, нахлынули на него.

Управление евнухов!

Место, где во дворце проводят кастрацию и обучают новоиспеченных евнухов.

Память, словно бурный поток, принесла образы: старый евнух в палате очищения, сжимающий в руках острый, ледяной нож, и его тонкий, пронзительный, скрипучий смех.

— Хи-хи-хи... Потерпи, у меня нож острый!

Затем последовала невыносимая, разрывающая душу боль, и Ли Пинъань, не выдержав мучений, провалился в темноту.

При мысли об этом Ли Пинъань невольно съежился под одеялом. Его охватил страх перед чужим местом, смешанный с тревогой и беспокойством о будущем. В конце концов, он был всего лишь деревенским мальчишкой, который за свои двенадцать лет никогда не видел ничего дальше родной деревни.

— Интересно, как там дома...

Этим летом в уезде Ваньнянь случилась засуха, урожая не было вовсе, а помещик Сунь-Живодер не только не снизил аренду, но и, напротив, пуще прежнего потребовал выплатить на двадцать процентов больше.

Старшие брат и сестра один за другим умерли от голода. Чтобы Ли Пинъань мог выжить, родители со слезами на глазах продали его во дворец.

Вчера, впервые увидев императорский дворец, он смотрел на величественные алые стены и почти поверил, что попал в обитель богов — это превосходило все самые смелые мечты, которые когда-либо были у Ли Пинъаня.

— Не только дворцы высокие и роскошные, но даже это постельное белье, эта комната...

Под ним лежал мягкий матрас, он был укрыт толстым одеялом, которое не пропускало сквозняков и было приятным на ощупь — куда удобнее всего, чем он когда-либо укрывался.

Он обвел взглядом помещение: комната около трех чжанов в окружности, в ней стояли четыре кровати с аккуратно сложенными постелями. Стены из синего кирпича, стропила из тополя, столы, стулья и шкафы, покрытые красным лаком. Что там говорить — это место было не просто лучше его продуваемой всеми ветрами лачуги, оно превосходило даже глинобитный дом помещика Суня.

— Укрываться ватным одеялом, жить в большом доме — кажется, быть евнухом не так уж плохо. Если бы еще можно было есть кашу из грубого зерна, было бы совсем хорошо...

Ли Пинъань был еще мал и ничего не смыслил в отношениях между мужчинами и женщинами. В его простом представлении, если человек сыт, одет в теплое и имеет крышу над головой — это величайшее счастье, и потеря мужского достоинства — сущая мелочь. Сколько простых людей всю жизнь горбятятся, не имея даже половины кирпичного дома, так что быть евнухом — это еще куда ни шло.

Пока он размышлял, дверь со скрипом отворилась, и в комнату гуськом вошли трое юношей.

Первый, статный и красивый, заметив лежащего на кровати Ли Пинъаня, с улыбкой направился к нему. Двое других, похожих друг на друга, словно братья, следовали за ним.

Подойдя к кровати, старший спросил:

— Новенький? Как зовут?

— Ли Пинъань.

Он ответил послушно. Его звали Ли Эргоу, но позже отец потратил два лепешки из грубой муки, чтобы старый ученый из деревни дал ему приличное имя. Смысл был прост и ясен: чтобы он прожил жизнь спокойно и благополучно.

Но вышло иначе: с самого детства Ли Пинъань не знал покоя, голод стал привычным делом, а жизнь не раз висела на волоске. Кое-как дожив до двенадцати лет, он стал неполноценным евнухом.

— Мы здесь во дворце — слуги, низшие люди. Называть себя полным именем права не имеем. Отныне будешь Сяо Аньцзы, — сказал юноша. — Я Сяо Чжунцзы, а они — Сяо Фанцзы и Сяо Юаньцзы.

Ли Пинъань кивнул, запоминая, и, вспомнив наказ родителей всегда быть скромным с людьми, почтительно произнес:

— Младший брат приветствует старшего брата Чжуна, старшего брата Фана и старшего брата Юаня.

Сяо Фанцзы с холодным лицом даже не взглянул на него, продолжая сидеть на стуле и углубившись в книгу. Сяо Юаньцзы слегка кивнул в знак приветствия, его лицо выглядело довольно добродушным.

— Сяо Аньцзы, ты сказал неверно, — вздохнул Сяо Чжунцзы, давая наставление. — Мы, те, кто лишился мужского естества, ни мужчины, ни женщины, как мы можем называть друг друга братьями? Такое обращение может навлечь неприятности. Впредь, если встретишь кого в серых одеждах, можешь называть их по имени, а если встретишь в чиновничьих халатах — называй их господин евнух.

Ли Пинъань, словно озаренный, тут же исправился:

— Приветствую господина Чжуна, господина Фана и господина Юаня.

Услышав приятное обращение, Сяо Фанцзы и Сяо Юаньцзы слегка улыбнулись. Ли Пинъань был неопытен в житейских делах, но уже начал понимать, что большинство евнухов — люди мелочные.

— Ты малый смысленый, — похвалил Сяо Чжунцзы и вытащил из-за пазухи лепешку. — Еще не ел? Возьми, подкрепись.

— Благодарю, господин Чжун.

При виде белой лепешки у Ли Пинъаня невольно потекли слюнки. Он торопливо взял ее и принялся жевать маленькими кусочками, долго смакуя, прежде чем проглотить. Отец говорил, что если тщательно жевать, то дольше будешь сытым.

Быстро доев лепешку, Ли Пинъань облизнул губы, вспоминая ее сладкий вкус. Когда он в последний раз ел белую муку? Кажется, лет шесть или семь назад, осенью, когда он простудился, и отец обменял два короба дров у помещика на горсть муки, чтобы испечь ему лепешку. В деревне белая мука считалась лекарством!

Пока Ли Пинъань наслаждался едой, Сяо Чжунцзы сел за книгу. Сяо Фанцзы искоса взглянул на него и язвительно заметил:

— Наш господин Чжун по-прежнему сама доброта.

Сяо Чжунцзы указал на текст в книге:

— Мудрецы говорили: у того, кто следует пути, много помощников, у того, кто сбился с пути — мало. Я сегодня совершил доброе дело, завтра получу добрый плод.

Сяо Фанцзы холодно отрезал:

— То снаружи, а здесь дворец.

Сяо Чжунцзы возразил:

— Я считаю, что везде одинаково. Когда вы двое только пришли, я опекал вас несколько дней, чтобы мы могли держаться вместе и нас никто не обижал.

При слове опекал Сяо Фанцзы хотел было что-то ответить, но Сяо Юаньцзы поспешно вмешался:

— Вы оба по-своему правы!

Ли Пинъань не понял ни слова из их подтекста, но почувствовал, что Сяо Чжунцзы — хороший человек. Раз он дал ему белую лепешку, значит, хороший!

Почитав немного, троица отправилась спать. Дневные обязанности, чтение и тренировки отнимали много сил, и вскоре в комнате раздался дружный храп. Ли Пинъань не считал это шумным: в его родной лачуге семеро человек ютились на холодном и твердом кане, и родители храпели так, что дрожали стены.

После лепешки в животе появилось приятное чувство сытости, и боль внизу живота заметно утихла. Лежа в кровати, Ли Пинъань погрузился в мечты и незаметно уснул. В полудреме он видел своих чернолицых родителей, спрашивающих, привык ли он ко дворцу. Ли Пинъань отвечал им со слезами на глазах, что живет в большом доме, укрывается ватным одеялом и ест белые лепешки, а когда начнет получать жалование, то накопит денег и пришлет домой, чтобы старший брат смог жениться. Что значит жениться, он не совсем понимал, лишь слышал от родителей, что брат уже взрослый и должен взять жену, иначе прервется род...

— Просыпайся, просыпайся!

Голос Сяо Чжунцзы зазвучал над ухом:

— Вставай скорее на кухню, опоздаешь — даже белой каши не достанется.

При словах белая каша Ли Пинъань моментально взбодрился. Забыв о боли, он быстро оделся и, послушно следуя за троицей, помчался на кухню.

Сяо Чжунцзы шел впереди, Сяо Фанцзы и Сяо Юаньцзы — на полшага позади, а Ли Пинъань держался еще чуть поодаль. По пути Сяо Чжунцзы много рассказывал, и Ли Пинъань постепенно начал понимать устройство Управления евнухов.

Управление закупает людей, превращает их в евнухов и в течение полугода обучает нэйгуну и правилам поведения. После обучения евнухов распределяют по двенадцати управлениям. Ли Пинъань слышал о нэйгуне от бродячих сказителей — легенды гласили, что владеющие им люди могут летать по стенам и в одиночку справляться с десятком врагов. В детстве он мечтал выучить нэйгун, чтобы расправиться с помещиком Сунем и не платить аренду.

— Сяо Аньцзы, обязательно усердно занимайся, — наставлял Сяо Чжунцзы. — Если преуспеешь, попадешь в Управление императорских нужд, будешь видеть самого императора. А если нет — отправят в Дирекцию дворцовой стражи, будешь каждый день выносить ночные горшки и мыть отхожие места!

Ли Пинъань спросил:

— А если выносить горшки, можно будет есть белые лепешки?

Сяо Фанцзы усмехнулся, а Сяо Юаньцзы рассмеялся в голос и, похлопав Ли Пинъаня по плечу, сказал:

— Сяо Аньцзы так любит поесть, что лучше иди в Управление Императорской Кухни разводить огонь — наешься лепешек до отвала.

Глаза Ли Пинъаня загорелись:

— Здорово! Хочу в Управление Императорской Кухни!

— Сяо Аньцзы, ты опять сказал неверно, — напомнил Сяо Чжунцзы. — У нас нет права говорить «я», нужно использовать «мы», «мы с вами», «наш дом». Если кто-то из главных евнухов услышит «я», не миновать тебе неприятностей!

— Благодарю господина Чжуна за наставление.

Ли Пинъань принялся кланяться. Сам того не заметив, деревенский паренек начал учиться льстить и угождать. Дворец был тем еще котлом: кем бы ты ни был, попав сюда, неизбежно изменишься.

<http://bllate.org/book/18511/1779130>